

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

Вас беспокоит Смердов Анатолий Витальевич из посёлка Вохма Костромской обл. Мы практически земляки – ветлугаи (местное прозвание жителей Поветлужья), потому что Пыщуг – соседний с нами райцентр, а Вы в детстве, в войну, там жили. Благодатный наш край, к великому сожалению, в условиях “дикого капитализма” и бездорожья хиреет и обезлюживается. Мощные лесспромхозы давно ликвидированы. От сельскохозяйственных предприятий (колхозов и совхозов) тоже почти ничего не осталось. Фермерство из-за удалённости от рынков сбыта и низких цен на продукцию неконкурентоспособно. Соотношение цен таково: если в 70–80-е годы на приобретение трактора МТЗ-80 от хозяйства хватало трёх откормленных до четырёхсот килограммов бычков, то теперь, чтобы купить трактор, нужно в десять раз больше. Леса у колхозов давно изъяты. В личных подсобных хозяйствах всё меньше скота и обрабатываемой земли. Из-за отсутствия работы и условий молодёжь в родных местах не остаётся. К уехавшим и устроившимся детям неизбежно тянутся и пожилые. Так называемая государственная “оптимизация” (на самом деле сокращение и уничтожение) бывших сельсоветов (теперь сельских поселений), школ, больниц, очагов культуры и прочих структур окончательно всё добивает. Такие вот “перспективы” коренного русского Нечерноземья.

Очень ценю Ваши стихи, прозу и публицистику. Журнал “Наш современник” раньше выписывал, а теперь и в районной библиотеке последние номера имеются лишь за 2016 год. Прочитал в “Правде” интервью с Вами В. Кожемяко. Целиком и полностью разделяю и уважаю Ваши взгляды, оценки и мнения. Поэтому рискнул послать на Ваш суд кое-что из окололитературных вещей провинциала из сельской глубинки.

С уважением,
секретарь Вохомского районного отделения КПРФ А. Смердов

Кавалер орденов

В Первую мировую войну солдат и унтер-офицеров за личный подвиг представляли в России к награждению медалями и Георгиевскими крестами четырёх степеней. Высшее достижение – обладатель всего банта медалей и орденов – полный Георгиевский кавалер. В советские времена, в Великую Отечественную войну, аналогами их были медали “За отвагу”, “За боевые заслуги”, а с 1943 года солдаты, сержанты, старшины и младшие лейтенанты ВВС награждались орденами Славы трёх степеней на георгиевской ленте. Орден Славы III степени выполнен из серебра, а представляли к награждению им от командира дивизии и выше. Орден Славы II степени выполнен из серебра и золота, награждали им военачальники не ниже командующего армией и флотом. Орден Славы I степени выполнен из золота, им награждал Президиум Верховного Совета.

Основанием для представления к награждению орденом служил также личный солдатский подвиг: первый ворвался в расположение противника, из личного оружия уничтожил не менее десяти вражеских солдат, уничтожил пулемёт или миномёт из противотанкового ружья, подбил не менее двух танков, оставался раненый на боевых позициях, спас знамя части, спас командира. За время войны орденом Славы III степени было награждено 980 тыс. человек, II степени – 46 тыс. человек и I степени – 2562 человека, среди них четыре женщины.

Знак высшей солдатской доблести – все три степени ордена Славы. Обладатель их – полный кавалер ордена Славы, что приравнялось к званию Героя Советского Союза. Среди них и наш земляк – Василий Андреевич Криницын. Василий Андреевич был призван в 1942 году. Воевал на Южном фронте миномётчиком. Стрелял метко, быстро и смело, выдвигался на передовые позиции. За те бои награждён орденом Красной Звезды. Был неоднократно ранен. За мужество и отвагу, проявленные в боях при прорыве обороны на Висле, сержанта Криницына наградили первым орденом Славы.

За участие в разгроме обороны врага на немецкой границе, в прорыве Бранденбургского укрепления был награждён вторым орденом Славы, а за сражение под Берлином – орденом Славы I степени. В мирной жизни этот герой и кавалер пяти орденов был человеком скромным, трудягой, привилегий не требующим. Работал трактористом в строительных организациях райцентра. Не стало Василия Андреевича 8 мая 1989 года. В Вохме живут и работают его дочь – Галина Васильевна Гончарова и внучка – Людмила Николаевна Андрианова, а правнук Павел – школьник.

Трофеи победителей

Мой дядя Глеб Иванович и сосед Борис Никанорович были призваны в кадровую армию ещё до войны, в 1940 году. Служили в артиллерии, в конной разведке, на самом северном краю России – в городе Печенга. Защищали наше Заполярье, брали потом город Киркенес в Норвегии, воевали в Прибалтике, Польше, а закончили войну в Германии, на острове Рюген. Домой вернулись в 46-м году, бравыми сержантами, в орденах и медалях, с ранениями, контузиями и... трофеями.

Родные

Был дядя старшим из трёх сыновей Ивана Илларионовича, вернувшимся с той войны единственным из всех деревенских семей в полном составе. Женился он последним, в тридцать с хвостиком, холостяковал и гулял долго, живя вдвоём с дедом, тоже бывшим солдатом, воевавшим с немцами ещё в Первую мировую войну. Тот и заставил его, в конце концов, жениться, облюбовав скромную, работящую и добрейшую девушку из соседней деревни, на 11 лет моложе – Надежду. Из-за военной контузии дядя рано и в мир иной ушёл – в 70 лет, но всё в жизни успел: человеком и работником был уважаемым, троих дочерей вырастил и внуков дождался.

В этой фамильной ветви я старший из шести дедовых внуков, а раннее детство запомнилось ярко и радужно. Пришлось деду, пока здоровье было, со мной и понычаться, потому что девать родителям меня было некуда, оба

простые колхозники, в работе с раннего утра до позднего вечера. К нему и вводили на весь день. Какого было старому и больному человеку справляться с бойким и неугомонным отпрыском – можно представить. Игрушек в те времена не было, и дед забавлял меня, чем мог. То мячик из овечьей шерсти сделает, то свистульку из липы, то “самоходку” из катушки из-под ниток.

Из мира иного

Главными же предметами моего вожделенного внимания были дядины награды и трофеи, привезённые с войны, из Германии. Последние дед хранил бережно и давал поиграться редко, потому как мог утащить, потерять, просто сломать. Вещи были необычные, изумительно красивые и интересные.

Маленький перочинный многолезвийный ножик с отливавшей малахитом перламутровой рукояткой, где большое и малое лезвие, открывашка для консервов, миниатюрная пилочка и штопор с шилом. На него разрешалось только посмотреть и потрогать, без потуг к применению (а так хотелось!).

Плоский металлический карманный фонарик коричневого цвета, каких другим ребятам и видеть не довелось, без батареек и лампочки, но с цветными выдвигаемыми дополнительными стёклышками. Три рычажка на передней крышке, нажимаешь поочерёдно и выдвигается то красное, то синее, то жёлтое. Если бы через них ещё и свет включить... но и так здорово!

Губная деревянная гармошка сияла серебром боковин с инкрустациями и ярко-красным верхом. Подудеть в неё дед давал мало, больше полюбоваться, но ежели доводилось, то оглушал его бестолковой и непрерывной кафонией.

А ещё привёз дядя бургерскую франтовую шляпу, в которой дед летом иногда любил щеголять, одеваясь, как он выражался, “навylieудье”. Светлосерый добротный и мягкий фетр, закруглённые вверх поля, чёрная лента с бантом и белоснежная шёлковая подкладка с золотистым клеймом внутри. Вот бы пройтись в ней по деревне! Но дед не давал, боясь, что замызгаю враз, и вешал её на гвоздик в матице потолка, куда мне было не добраться.

Не стало деда, когда мне было пять лет. Шляпу и фонарик дядя Глеб великодушно подарил. Шляпу отец вначале тоже от меня берёт, но уже в первые школьные годы от её былого великолепия я ничего не оставил. Фонарик же в скором времени всё-таки разобрал, после чего восстановлению он не подлежал. Цветные стёкла выковырял, за что был отцом нещадно выпорот его старым армейским ремнём, которым он подпоясывал фуфайку и точил на нём опасную бритву. А судьбу немецких перочинного ножика и губной гармошки не знаю, не помню.

“Вальтер”

Были в деревне нашей и другие трофейные вещи, занесённые с той войны. Запомнилось, что более старшие ребята Микишевы иногда надевали немецкий китель мышиного цвета с накладными карманами и чёрным воротником.

У нас дома отец хранил гаечные ключи в металлическом аккуратном футляре-чемоданчике, в котором в войну немецкие связисты носили полевой телефон. Служит он и мне по тому же назначению. Не заржавел, жёсть крепчайшая, крупповская, наверное, даже сероватая краска не облезла и на крышке номер оттиснут белой не сходящей краской – 3239. Металлический безотказный затвор, ручка для переноски в крышке и две сбоку, для ремня. Будучи подростками, наткнулись мы и на вещь серьёзную и запретную. Отцы наши перекрывали тесовую крышу на одном из старых, но добротных домов, а мы помогали, отдирая старые подгнившие доски. Валька Ванеев и заметил первым что-то, завёрнутое в тряпицу и аккуратно упрятанное между одной из слег и тесиной. Мужики были на другом конце дома, и мы спрятались за печной бором, развернув находку... Это был пистолет. Взрослые заинтересовались нашим перерывом в работе, и Сашка быстренько спрятал его под фуфайку. Под вечер в Сашкиной бане мы отдраили его до воронёного блеска, удалив соляжкой проступившие кое-где пятна ржавчины. В патроннике находилось ещё четыре пузатых патрона с тупыми пулями. Это был офицерский восьмизарядный “вальтер”, стоявший в войну на вооружении немецкой армии. Детально ознакомившись и вынув магазин, прощёлкали курком вхолостую – всё

работало! Договорились днём в лесу и опробовать в стрельбе, да не довелось. Заподозрив неладное, выследил и накрыл нас в своей бане Борис Никанорович. Пистолет отобрал, надавав всей троице подзатыльников. Сказал потом, что сдал в милицию. Знали, оказывается, мужики смутные слухи об этом “вальтере”. Один из сыновей старого хозяина дома был офицером, он и привёз трофейный пистолет с фронта, укрыв надёжно в промасленных тряпках. Сам в город подался, но пожил недолго, догнали военные раны... А мы долго сожалели о необычной утрате.

“Турка”

Сейчас трудно представить жизнь и найти современников конца XIX и первых десятилетий XX века, да и память человеческая склонна к забвению. Людей тех времён уже не найдёшь и не спросишь, а потомки их затерялись и расселились из родных мест по российским просторам, в близких и дальних городах и странах. Что-то помнится из детства об этой необычной истории и теперь пытаются восстановить и дополнить, тоже по детским воспоминаниям моего дяди Бориса Фёдоровича Князева, живущего в Эстонии, и тётки Тамары Фёдоровны Герасимовой из деревни Чучино.

Был в Хоршевском сельсовете починок Екаторининский (деревня Маслобои), исчезнувший сорок лет назад. В десятке домов проживали Моисеевы, Молодцовы, Дёмины. Во второй половине XIX века крестьянский сын Александр Дёмин по рекрутскому набору был забрит в солдаты на 25 лет и отправлен на юг России. Там и нёс тяжёлую солдатскую службу, не надеясь увидеть родные северные берёзы и близких людей. В 1875-1876 годах южные славяне – сербы и болгары – подняли восстание против пятисотлетнего турецкого ига, но силы были неравные. Россия же была сильной страной, с собственными интересами, своих братьев и единоверцев поддержала, вступив в войну с Турцией. Наши войска двинулись на Балканы, начались боевые действия. Так солдат Дёмин в составе Кавказской армии оказался в Болгарии и воевал почти два года. Воин был храбрый и толковый, имел две медали, участвовал во взятии Плевны. Большой и хорошо вооружённый турецкий гарнизон крепости сопротивлялся умело, и русские войска потратили почти полгода на стояние и осаду, взяв город штурмом только со второго приступа. Дёмин был тяжело ранен, лазареты переполнены, и по уходу за ранеными привлекалось местное население. За несколько веков в окрестностях города обосновалось и жило и турецкое население. Там и свела судьба русского солдата и смуглую красавицу турчанку. Было ему под сорок, а она только вступала в пору девичества. Природа заставляет южных женщин расцветать и созревать рано и не северной, ровной красотой, а ярко, призывающе. Общение шло на болгарском языке. Выкарабкался солдат, поправился, раны под нежными девичьими руками затягивались. А вот от женских чар не устоял, взыграло ретивое. Гульнида тоже влюбилась в необычного, надёжного и доброго, крепко сбитого русоволосого мужика, найдя в нём и мужа, и старшего брата, и отца одновременно. За геройство и по ранению солдата списали домой досрочно. Видимо, их чувства были таковы, что она решила сменить мусульманскую веру, окрестившись в православном храме. Накрепко прикипели они друг к другу. Добился Дёмин венчания у полкового батюшки и разрешения командиров вдвоём следовать в Россию. Как и сколько они добирались до нашей глухомани, теперь неизвестно.

В родной деревне Александр и Гульнида прожили долго и счастливо, родив и воспитав сына Николая и двух дочерей, подняв внуков, а она дождалась и возилась с первыми правнуками. При крещении давали ей другое имя, но муж называл ласково – Гуля, а соседи – Галя. Дёмин в солдатах обучился грамоте и счёту. Пытливый ум его был ко многому восприимчив, приобрёл там и портняжные навыки. Кроме крестьянствования, семья кормилась нехитрым пошивом – вначале домотканой, холстинной одеждой, а потом, с увеличением достатка населения, и рубах, брюк и пиджаков из покупного материала. Со временем осилили и приобрели швейную машинку “Зингер” – великую в ту пору редкость. Машинка та служила роду сотню лет, передаваемая по наследству, вначале сыну, потом старшей внучке. Побывала она и схороненной в яме во время коллективизации, воровала её у Нasti завистливая

соседка, но нашли и вернули. И даже первые в жизни серьёзные штаны (не на помочах, а под ремешок) сшил мне на ней перед школой Николай Александрович.

Александр Емельянович, по воспоминаниям, старик был солидный, с седой, ухоженной бородой. Роста среднего, а в плечах широк. Степенен и строг, но не сердит. Люди к нему шли, а дети льнули. Выписывал, читал и комментировал газеты, вставляя к месту любимое слово “например”. Прожив долгую и интересную жизнь, умер в начале 30-х годов. Русская женщина и “в сорок пять – ягодка опять”, а удел большинства южанок – раннее увядание красоты. Смуглая кожа старит, чернявость сменилась сединой, рот из-за потери зубов запал, выдвинув вперёд острый клин подбородка, нос с горбинкой превратился в ястребиный клюв, и только тёмно-карие глаза молодо сверкали из-под густых бровей. Внешний вид Гули людей, а тем более детей, отпугивал. Но была она очень ласковой и старательной, великой труженицей и подвижницей. Не верила, что здесь не могут расти плодовые деревья и многие растения. Развела яблоневый сад и кустарники, возделывала овощи. Доставать семена и выращивать всё было необычайно трудно, в нашей местности тогда мало что знали и понимали в этом. Зная её пристрастия, назежающие гости привозили яблоки. Она вынимала и хранила семена; с осени высаживала их в подполье на завалинке, рано весной перемещала в рассадник, окутывала, утепляла. Вырастив, перемещала в обильно удобренные ямы и лелеяла. Умерла Гуля перед войной, передав сыну и внукам прозвище “турка”, непоседливость и огромную работоспособность. Два последних качества унаследовали и правнуки. Само прозвище не оскорбляло. О них отзывались с уважением: “Так ведь они – турки”.

У Николая Александровича было четыре сына и три дочери. Ветви нашего рода и Дёминых-турок дважды и одновременно переплетались. Старший брат матери, Авдей Фёдорович, женился на старшей Гулиной внучке, Анастасии Николаевне, жили в деревне Зайчата, и было у них девять детей. Старший внук её Сергей был женат на сестре матери Клавдии, но овдовел, вновь женился и жил в деревне Егорово (теперь Павинский район), у него было шестеро детей. Ещё одна внучка Евдокия жила в селе Хорошая, но детей не имела. От трёх Гулиных внуков и внучки, обосновавшихся в Архангельске, есть своя немалая “поросль”. В четвёртом поколении – правнуках – уже полностью исчезли и внешние признаки примеси другой крови, и только некоторым из женщин передался мягкий “грудной” голос. Мои двоюродные братья и сёстры – характерные русичи, а одноклассник Лёшка Дёмин парнишкой был светло-рус, конопат и курнос.

Думы мои, думы...

– И почто мне белый свет не мил стал, без всякого антиресу живу? – думал Виссарион Прокопьевич, ворочаясь на кровати у тёплого печного бока. И перина хрустит, и подушечку комит, и старуха на диване всё сопит, и кошка по полу топчет. Ох-хо-хо! К-х-ха! Н-да-а... Придумал же поп нам имечки по святцам! Пантелеймон, Агафья, Харитон, да и меня угораздил. Ну Лизавета – куда ни-то. Полегли братовья в войну, и сестёр теперя нет... Висарик! Тятка с мамой ласково звали... И где-то на Печоре ваши косточки догнивают, когда в тридцать первом кулачили да увезли? А мы-то как выжили – диво! Кабы не дедко, дак и **похезли** бы. До учёбы ли? А ведь смышлёный был, задачки, как семечки, щёлкал. Три зимы – всё образованье. В роботушке-то столь, сколь и себя помню. Ну, дак оно и не хуже. Для того и живём, чтоб чего-то делать да уметь, робёнок вырастить, какими тоже люди не **похармуют**.

Эх, Натолька! Сколь на тебя надеи было. На анжинера выучили... Как там ты в Мурманске со своей Нонкой-стерьвой? Матка все глаза выревела, тебя ожидаючи. И почто ты такой податливой? Всё бабу слушаешь? “Вы несовременные. А-на-хор-низм!” Тьфу! И не выговоришь. Это же надо так обозвать. Сама ты “хренизм”. Ниверситет, вишь кончала... И дитёнка не завели. Нету продолженья роду и фамилии. “Для себя жить в первую очередь”. А на хрена такая жисть? Пять с половиной десятков мужику, а волос на голове осталось, как у телушки на одном месте. Разжирел. Прежние штаны и рубахи уж не налезят. Мне послал. А на что? И своё не доносить. Уж и пенсию ему назначили.

Да я в его годы трёхсаженные кряжи поднимал. А он **позалонись** был, дак на первом **покосиве** от меня отстал. “На юг ездим, к морю”. А врозь-то почто? Одно непотребство. Эх, Натолька...

Да-а... А Настя-то моя **баская** девка была. И на работу **ухватистая**. Не-величка, а всё ломила, другому мужику невмоготу. Ну, дак и я-то с войны пришёл – было на что поглядеть. Гимнастёрочка офицерская, галифе, сапожки хромовые, медали позванивают. Придём к ним в деревню на **игрище** – глазами постреливала. Когда в кругу “ветлугая” плясали, всё друг дружке и сказали. Как там она **зачинала**:

*Гуси по небу летели,
Я по тропке лесом шла,
На сегодняшне гулянье
Из-за **дролечки** пришла.*

А я и **откаблучиваю**:

*Мы нездешние – приезжие
Из Вохмы из села.
Погуляй, моя головушка,
Покуда весела.*

И другие ухажёры заглядывались, да отшибала. Поди, с месяц только и дролились. В сельсовет поехали, **уписываться**:

*Колокольчики забрякали
Под крашеной дугой.
Собирай, **матаня**, юбочки –
Приехал за тобой.*

Пятьдесят шесть годков прожили... Оборони Бог, ежели она первой по-мрёт. Спервоначалу на войне-то и не страшно. А и какой ум-от у семнадцатилетнего парнишка? Это потом, после ранений да госпиталей **шибко** жить захотелось. Ведь даже девок не довелось целовать. На роду, что ли, мне написано боле с топором да деревом **валандаться**? Вытянуть бы те переправы в одну линию – поди не одна сотня километров. Полбатальона на Днепре легло. У Аркашки Худякова, Митьки Князева да Васьки Герасимова и могилок нет. Бомбами порвало да утопли. На Висле Володьку Пономарёва убило, а на Шпрее уж без земляков был. А сколь нас у мелких рек, в болотах осталось... В атаку не ходил. А попробуй с мосинской винтовочкой на гольном берегу от фрицевских автоматчиков отбиться? То-то!

Девки, слава Богу, в нас пошли. Тоже выучились. И зятя не уросливые, не пообижусь. Нинка вон начальником стала в какой-то ихней управе на Украине. Фамиль только спотыкистка – Надыкто. И внуки-хохлята к нам со всем почтением. Что Тарасик, что Миколка. Звонят, а приезжать стали реже. Гранницы, вишь, теперя меж нами. Порезали государство на куски, как пирог. Одна маета народу.

Тонька в Сибири худее живёт, и мужик попивает. Не анкаголик, зря не скажу. Да и уважительный Пашка-та. Внучка, опять Настя. В академии четвёртую зиму учится. Не пойму – на кого. На какого-то меняжира. Эта кажное лето у нас. Старуха на неё только не молится. Уж не просидит, не гулливая, да и лицом на бабу **смахивает**.

Едрит-твою налево! Как нога-то раненая **можжит**. Поди, к метели. Опять от наших Чертей до соседнего Рая на лыжах выбираться. Борисоглебская – писаное название деревне. А вот поди ты, только Чертями зовут. Черти и есть. Поля уже сколь лет не паханы. Березняк к **осырмам** подступил. Домов тридцать было, десять осталось. А жилых изб пять. Старичьё одно – хлам да вывих. От колхоза нашего передового “Новый мир” остался один пшик. За что жизни ломали и клали? А робили-то как, нонешним и не снилось. Тарелку вон внуки к стене пришпандорили. Гляди телевизер хоть все три **уповода**. А и то. Чем нам с старухой заниматься? От скотины во дворе и запах исчез. Земельку ковыряем. Картох маленько, огурцы, помидоры, лук да **галанка**. Круг избы, тропки да заулок только и окашиваю. Да-а! Дожились. Правду **бают** – до

старости легко дожить, а вот до смерти как? Раньше дров **беремья** принесу — на всю истоплю. А **надьсы** упал у **брундучка** с пятью полешками. Старуху переполошил, едва отводилась. В голове кобылки стрекочут, в груди котята играют. А ну как и преставлюсь в одночасье? И **домовины** нет! Сколь всего всем за жизнь смастерил, и домовин тоже. Себе-то почто запаста не надоумился? **Обмишурился**. К председателю завтра торкнусь, в Рай, к Николаичу. Не сельсовет теперя, а сплошное поселенье. Эт, удумали, головы садовые! **Варнаков** разных ране высылали на поселенья. Нас-то всех оставшихся почто скопом так зачислили? Презирают, не иначе. Николаич — мужик свойский. Просьбишку мою на карандаш возьмёт. Гроб закажу по самоличной моей мерке. С материей. Привезёт из Вохмы. На **поветь** занесём. Без запаса никогда не живал, непривычно. Ну, опосля сколь-нибудь и ещё потрепыхаемся.

Дышит ли Настя-то? Дышит, посапывает. Ты, что ли Мурка, приладилась усами щекотить? Ложись дава-ко, маленько соснём.

Звенел под дугой колокольчик

Расписная дуга с колокольчиками, ошейник с бубенцами, сбруя в медных бляшках. Украшения на узде, седёлке и шлее от неупотребления и без ухода стали покрываться голубой окисью, подопрело кое-где их сыромятное крепление...

Всё это осталось от отца, а у него — от деда, у того — от прадеда. А прадед был с Вятки. Сколько же поколений близкой и дальней родни радовали и услаждали они и видом, и звуком? Какие воронье, гнедые, буланье, соловье, чалье, саврасье да каурье красавцы-кони их носили? И была такая парадно-выездная амуниция далеко не в каждой деревне, только у справных мужиков, настоящих лошадиников. Ею гордились и берегли, передавали по наследству.

У отца, например, и из других сельсоветов за упряжь гонцы с великой просьбой бывали, да не каждому её доверял. Были у него колокольчики и бубенчики сменные, подобранные комплектами, в такт и тон. Ну, а уж если у кого-то в родне свадьба — он непременно ездовым у молодых, по несколько лошадей так украшенных в свадебном поезде. Ещё ленты цветные да кисти приладят. За многие километры были слышны переливы “малинового” звона. Любо!

Правил он лошадьми с особым шиком, вожжи — струной. С гордо поднятой головой конь — как парил. Сам впереди молодых на облучке специальной для таких выездов кошёвки. Шапку хромовую и в мороз не развязывал, только с уха на ухо иногда боченил. Рукавицами вязаными почти и не пользовался, под сиденье клал. В дублёном чёрном полушубке, серых валенках с двумя заломами на голенище и ухарски спущенной ногой сбоку.

А как он тешил всю деревенскую мелкоту в Масленицу! В той же снаряде через все деревни в ближнее село катал. Писк, визг, звон, скрип полозьев, снег из-под копыт, пар из лошадиных ноздрей, да гордый бас ямщика всем встречным: “По-о-берегись!” Не забыть... и не повторить.

Бубенцов на нашем ошейнике девять. Это такие шарообразные колокольчики с круглыми или продолжными отверстиями, с большой дробинкой из закалённой глины внутри, чаще кустарные и бронзированные. Звук у них короткий и приглушённый. Бывает их в ошейниках от семи до одиннадцати штук. В центре, под шеей коня — самый крупный, а к гриве всё мельче. Крепили бубенчики, бывало, и на хомут, края седёлки, к кистям. Называют их ещё оже-рёлки, воркунцы, шаркунцы.

А вот о колокольчиках поддужных сказ особый. Три их на дуге. По центру, под згой — большой, “мужиком” зовут, а по бокам подзвонки — “бабы”. У каждого свой, отличный от других вид и тембр. Даже в наших краях они теперь редкость. Не сохранили, в цветной лом подавали за бесценюк по темноте да недомыслию. А ведь это исконно наша русская культура, история, искусство. Особо ценны колокольчики XVIII века, с гербами и клеймами мастеров, с надписями по юбке или внутри донышка. Ещё гранёные, с кольцами, с орнаментом или сеткой. Особая статья — колокольчики с голосом чистым и высоким.

Предки мои толк в этом деле знали. Есть на что подивиться. Вот большой ямской валдайский колоколец, отлитый в 1816 году мастером Григорием Митрофановым, с надписью: “Дар Валдая. С серебром”. Много колокольчиков вятских, из Слободского: братьев Поповых, Ситниковых, Макушиных, а самые древние – 1806-1807 годов, с особым звучанием – Луки и Ильи Каркиных. Больше всего колокольчиков нижегородских – всех размеров и видов. В селе Пурех лили их более сотни лет, вплоть до двадцатых годов прошлого века знаменитые династии Трошиных, Ключиковых, Веденеевых, Чернигиных, Молевых. И рязанские сюда затесались, из Касимова, мастера Ивана Кислова, тридцатых годов XIX века.

На отличку два среднего размера колокольчика с надписями под славянскую вязь: “Купи не скупись, ездй веселись” и “Кого люблю, того и дарю”. По почти сношенным ушкам видно, что были они особо уважаемы и позвенели под дугой долго и много. Начищенные, и сейчас сверкают солнышком. Звук “динь-нь-нь-ь” от удара их язычка ничем не передать. А резонансное эхо в тулове чуть не минуту. Это и есть изделие и мастерство высшей пробы.